

ЕСТЬ ЛИ РЫНОК НА НАШИХ РЫНКАХ

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
специальный корреспондент
«МС»

На рынках должен быть наведен порядок! На это, как известно, Президент РФ дал чиновникам срок – до 15 ноября. Ну и как дело движется? Ответить на этот вопрос мы попытались, сопоставив то, что говорят чиновники, и ситуацию на самих рынках.

Казалось бы, какая разница, у кого покупать фрукты и овощи: у земляка или у южанина? Опросив покупателей на нескольких столичных рынках, я пришел к выводу, что примерно каждый пятый относится к продавцам-южанам «скорее отрицательно», каждый десятый – «скорее положительно», каждый двенадцатый – «поло-

жительно» и почти половина – «отрицательно».

Люди ощущают: разница, оказывается, есть. Земляческие связи выходцев из южных республик помогают им вести согласованную ценовую политику на всех рынках города и не допускать в сферу, которую они считают своей, местных производителей. Как это происходит, рассказали селяне из Московской области. Так, житель одного из районов Подмосковья привез на один из московских рынков 50 мешков выращенной им картошки. Стоит она здесь от 15 до 20 рублей за килограмм. Но это – за прилавком, до которого еще нужно идти. Однако не успел наш произво-

дитель даже выйти из машины, как возле него оказался один из перекупщиков с солидной пачкой купюр. Предлагает взять товар сразу, оптом, но по 5 рублей за килограмм. Пять – это, увы, не двадцать и даже не пятнадцать. О чем наш крестьянин прямо и говорит перекупщику. А тот? На отказ крестьянина он отвечает просто:

– Пожалуйста, дорогой, торгуй сам. Но сначала получи место за прилавком, заплати за него. Потом получи место в камере хранения. Потом заплати грузчиком. А знаешь, дорогой, сколько стоит справка врача на твой товар? А есть ли у тебя самого санитарная книжка? Знаешь, сколько милиции нужно дать за «охрану»? Кстати, дорогой, не пытайся людям цену сбивать...

Задумался фермер. Конечно, хотелось бы продать урожай хотя бы по 7-10 рублей за килограмм, но ведь рыночный «специалист» правду говорит. Никто, конечно, пальцем не тронет, не погонит с рынка, но придет-

ся стоять весь день за прилавком, зависеть от привередливых покупателей, которые могут взять товар не у тебя, а у соседа. А до того надо еще сдать картошку на экспертизу. И где гарантия, что санитарная служба не в доле с перекупщиками и потому просто не даст справку? Да еще предстоит самому разгружать машину, сдавать товар на хранение, платить за место, фартук и инвентарь...

А здесь – деньги вот они, сразу! Перекупщик, даже не проверяя мешки, отсчитывает 5 тысяч. Его земляки тут же начинают разгружать картофель. Две-три минуты – и производитель свободен. Он, может быть, даже доволен: расходы окупилась. Пусть не по справедливой цене, но с паршивой овцы хоть шерсти клок. Недовольны только мы с вами, покупатели, вынужденные платить за товар по 15-20 рублей – вместо (теоретически) возможных 7-10 рублей.

Иного, наверное, быть не может, если учесть беспомощ-

ности нашего законодательства, которой и пользуются перекупщики.

С абстрактных рыночных позиций все это совершенно нормально. Торговля – бизнес самостоятельный. И посредники просто услуги аграрному сектору оказывают.

Но беда в том, что рынком здесь и не пахнет. Какой, простите, рынок, когда земляки держат друг с другом постоянную связь, выставляют товар только по согласованным ценам? Почему бы ни взяли у аграриев ту же картошку – в продаже она везде по 15-20 рублей. И те деньги, которые (опять же теоретически) должны были достаться самым успешным хозяйствам, у которых товар и лучше, и дешевле, улетают именно к перекупщику.

Правоохранительные органы Москвы, несмотря на объявленную кампанию борьбы с перекупщиками, пока не знают, как к проблеме подступиться. Разве что стали чаще проверять у тех, кто стоит непосредственно за прилавками, наличие регистрации. Но все опрошенные мною торгующие на

рынке дружно уверяют, что являются гражданами России и торгуют на рынке чуть ли не десятилетиями. К тому же, слушая подобные ответы, я вспомнил, что сказал (при условии своей анонимности) администратор одного из городских рынков, расположенного у станции метро и рядом с железной дорогой: аренда торгового места всегда оформляется на человека, имеющего московскую прописку.

И наконец, последний штрих реальной жизни. Его сделал директор рынка Николай Нарышкин: «Произошло увеличение арендной платы, а это потянуло увеличение платы за место. Если раньше дневная аренда прилавка обходилась в 500 рублей, то теперь – до 1000 рублей в день. Остальные услуги тоже поднялись в цене раза в два. Заплатив за все, торговать может каждый».

Вы можете представить себе производителя, который, привезя на рынок свои 50 мешков картошки, потянул бы такие расходы? И вообще добровольно втянулся бы во всю эту карусель? Лично я – нет.

Вопросы безопасности в российской электроэнергетике очень серьезно беспокоят сейчас нашу службу. Прежде всего речь идет о генерирующих мощностях. Экономика растет, развивается – мощности же с растущей нагрузкой не справляются. Судите сами. Планировалось, что потребление электроэнергии в нашей стране в нынешнем году должно было возрасти на 2,5 процента. Реально рост уже составил 5,5 процента. А к концу года, по нашим расчетам, может достигнуть до 7 процентов.

Можно ли удовлетворить растущий энергодефицит? Управление государственного энергетического надзора осуществляет контроль более чем за тремя миллионами объектов российской энергетики. Везде примерно одна картина. Во-первых, изношено оборудование, выработавшее расчетный срок службы. Давно наступило время качественного перевооружения существующих мощностей. Суммарный дефицит энергетических мощностей в России составит к 2010 году, по прогнозу Минэкономразвития, 14 гигаватт. Во-вторых, прекращение лицензирование деятельности по эксплуатации электрических и тепловых сетей, опасных производственных объектов по изготовлению, ремонту и монтажу оборудования для этих объектов. Как следствие, в-третьих, исключен контроль за предэксплуатационной подготовкой руководителей и специалистов. В результате снизилось качество работ, упал уровень квалификации

КОНТРОЛЬ ЧУБАЙСУ НЕ ВО ВРЕД

Василий ПОЛИВАНОВ,
руководитель Управления государственного энергетического надзора РФ

персонала. Какое уж при таких условиях удовлетворение энергодефицита? Речь можно вести лишь об элементарном выживании.

Среди всех задач ближайшая – успешная подготовка к зимнему периоду. Принято решение Правительства РФ обеспечить до 15 ноября полную готовность к зиме объектов жилищно-коммунального хозяйства, а также подстанций РАО «ЕЭС России» и других объектов энергетики. Как проводится эта работа? Анализ имеющихся в нашей службе материалов показывает: по состоянию на октябрь степень готовности к зиме в целом по стране достигла 75 процентов. Однако есть регионы, в которых этот показатель значительно ниже. Особую тревогу вызывает ход подготовки в Северо-Западном регионе и ряде восточных районов юго-запада.

Как многие уже знают, нынешней зимой энергетики могут ввести ограниче-

ния на подачу электроэнергии в 16 регионах страны. В прошлом году такого было три. Причем обошлись тогда без чрезвычайных мер. Ныне дело дошло до того, что в каждом регионе, где объявлен режим энергодефицита, должен быть создан специальный штаб по контролю за электроснабжением во главе с губернатором или представителем территориального управления федерального органа власти.

Честно признаться, этому даже не приходится удивляться. По большому счету, таков результат многолетней технической политики РАО «ЕЭС России». Точнее, того, что за этой политикой долгое время не было фактически никакого контроля.

Сейчас мы имеем несколько федеральных законов об электроэнергетике. В них, казалось бы, решены многие вопросы, в том числе и контроля. Но это в теории. В реальности же ситуация сложнее.

В нынешних экономических условиях, в обстановке преобладания частной собственности, государственные надзорные органы обеспечивают реализацию этих законов. Для собственников на первом месте – экономическая эффективность, прибыль, а перед надзорными органами – энергобезопасность. Отсюда задача: найти баланс, чтобы собственники, заботясь о прибыли, не забывали об энергобезопасности. Закономерен вопрос: как решить эту непростую задачу?

Очевидно, назрела необходимость, подключив самый широкий круг специализированных организаций, создать систему аудита качества в электроэнергетике. Мыслима ли в современном мире продукция, которая не прошла аудита в системе оценки качества? Конечно же, нет – этот ответ на вопрос очевиден для большинства специалистов. Но неочевиден почему-то для энергетиков.

Приведу пример. До административной реформы в системе подтверждения соответствия качества электроизмерительных лабораторий и органы сертификации регистрировались и аккредитовывались в энергонадзоре Минэнерго России. С ликвидацией Минэнерго был упразднен и энергонадзор. Без него, однако, невозможен внутривидовой контроль за соблюдени-

ем требований безопасности в электроэнергетике. Считаю необходимым возобновить эту работу в самое ближайшее время. Основных целей у такой работы две. Первая: упорядочить деятельность организаций, отвечающих за энергетику. Вторая: повысить качество самой электроэнергетики.

Возможно, самым эффективным инструментом тут может быть процедура добровольной аккредитации – она широко используется во всем мире, могла бы успешно действовать и у нас. Система аккредитации должна охватывать также деятельность по подготовке персонала в области безопасности. В Госэнергонадзоре есть специалисты, которые могут осуществлять такую процедуру добровольной аккредитации. Нужна, однако, правовая поддержка этой работы.

Необходимо и повышение требований к соискателям лицензий в точном соответствии с постановлением Правительства РФ от 22 июня 2006 года о лицензировании в области промышленной безопасности. Речь – об ужесточении лицензионных требований к персоналу и экспертам, к самой экспертной службе, задействованной в электроэнергетике. Это нужно не только потребителям – это нужно самому РАО «ЕЭС России», для которого законом «О защите прав потребителей» предписана необходимость обеспечения сертификации качества всей поставляемой электрической энергии.

И У НАС ЕСТЬ «ЯДЕРНЫЙ ДЖОКЕР»

Сергей ОЗНОБИЦЕВ,
директор Института стратегических оценок,
профессор МГИМО

Иран не просто продолжает настаивать на своем праве использовать ядерные технологии, но и активно работает в этом направлении. Тегеран официально объявил о переходе к промышленному обогащению урана. Тем временем глава МАГАТЭ Мохаммед эль Барадеи, выступая на прошлой неделе со своим ежегодным докладом перед Генеральной Ассамблеей ООН, снова констатировал, что «усиливаются опасения в связи с рисками, которые несет дальнейшее распространение ядерных технологий». По его словам, в МАГАТЭ не могут подтвердить мирный характер иранской ядерной программы, и она продолжает вызывать беспокойство.

К сожалению, у нас, россияне, особого беспокойства в связи с происходящим не наблюдает-

ся. Все дело, видимо, в восприятии угрозы. Это восприятие у России и стран Запада во многом различается. Кроме того, в мозгах у нас остались постулаты, заложенные чуть ли не генетически еще с советских времен. Например, Северная Корея и Иран не могут быть для нас угрозой, равно как и Куба – наш друг и партнер на веки вечные. Кстати, наши нынешние контакты и теплые отношения с Кубой – следствие того же стереотипа.

К тому же в последнее время в России крайне усилились антиамериканские настроения политического класса. И очень многое предпринимается, исходя лишь из цели снова показать Америке кузькину мать. Часто наши действия осознанно или неосознанно носят идеологизированный характер. Я уж не говорю о том, что неко-

торые наши крупные эксперты и политики постоянно твердят о том, будто мы с Америкой обречены на геополитическое соперничество в различных точках земного шара и по различным поводам.

В то же время мы находим основы для партнерства. А Америка, по крайней мере ряд ее высокопоставленных официальных лиц, искренне надеется, что Россия использует свои особые возможности воздействия на Иран и Северную Корею.

В действительности дело идет к тому, что тот же Иран станет обладателем ядерного оружия. Это страна с достаточно авторитарным режимом правления и непредсказуемым поведением. Режим нераспространения в итоге трещит по швам и рассыпается. Продленный бессрочно договор о нераспространении превращается в фикцию, ничего не значащую бумажку.

Главной темой дискуссий в ходе встреч представителей «шестерки» мировых держав, задействованных в урегулировании кризиса вокруг ядерной программы Ирана, является

АЭС в Бушере, строящаяся российскими специалистами. США хотят получить гарантии того, что возводимый там реактор не будет способствовать развитию военной ядерной программы Ирана. В Вашингтоне хотят гарантий, что заявленные меры безопасности, в первую очередь возврат отработавшего ядерного топлива, будут полностью обеспечиваться.

На мой взгляд, строительство АЭС в Бушере вообще не представляет собой предмета для обсуждения. Ибо началось оно давным-давно, еще с американских контрактов. Потом за дело взялись европейцы, позже – мы. Естественно, мы не хотим никому переуступать эти контракты или под каким-то давлением сокращать объем иранского заказа. Но требования американцев абсолютно справедливы, и мы их разделяем. Мешает здесь позиция самого Ирана, который не допускает (или допускает ограниченно) на свою территорию инспекторов МАГАТЭ. И который открыто заявляет, что переходит к обогащению урана до оружейного уровня.

Создается прямая угроза региональной и в целом международной безопасности. Такая угроза и такое нецивилизованное поведение в духе нашего времени вполне могут вызвать такую же нецивилизованную реакцию со стороны Израиля, США, кого угодно.

К сожалению, у российского политического класса нет особой озабоченности и в отношении Северной Кореи. Генетически мы опять считаем, что наш давний друг и брат Ким Чен Ир, еще не так давно проезжавший в бронированном поезде по Сибири, беды нам не принесет. Хотя и здесь мы должны, по идее, использовать свои рычаги влияния, если они имеются, чтобы не взрастить у себя под носом еще одного «ядерного джинна». Озабоченность, увы, проявляется лишь тогда, когда Северная Корея проводит ядерные испытания, и мы начинаем лихорадочно замерять радиационный фон в районе Владивостока и Хабаровска. Надо понимать, что вся эта ядерная самостоятельность может прямо отразиться на нашей территории, на наших гражданах.

Между тем мы должны быть предметно озабочены этой ситуацией – пусть даже реальной военной-политической угрозы

она нам сегодня не несет. Этот трюк Северная Корея повторяет по крайней мере второй раз за десять с лишним лет. В начале 1990-х такая же крупномасштабная провокация с той же самой ядерной программой уже имела место. Тогда взамен отказа от ядерных испытаний Пхеньян потребовал гарантии безопасности исключительно от Соединенных Штатов, а также мазут для своих энергетических потребностей и массивную продовольственную помощь. Сейчас, по сути, речь идет о том же. Но поскольку фокус мирового внимания сместился на сторону Ирана, Северная Корея снова захотела привлечь его к себе, произведя ядерный взрыв.

Что будет дальше, посмотрим. Все-таки идут процессы налаживания диалога и взаимодействия с Южной Кореей. Быть может, северокорейский режим будет потихоньку размываться. Пока об этом речь не идет.

Ясно одно: до поры до времени Москва не будет слышать о изоляции в отношении Ирана и Северную Корею. Скорее, мы будем приберегать фактор своего особого влияния на эти страны как некий джокер в своих будущих, быть может, не всегда приятных диалогах с Западом.